

Услышав, что эти долговые расписки пойдут в счет погашения долга, Сюй Инди тут же вперила в Сун Хаомина яростный взгляд и принялась осыпать его бранью:

— Ах ты, мерзавец по фамилии Сун! В свое время ты сам добровольно подносил нам всё это, а теперь, сменив гнев на милость, решил откреститься от своих же слов?

Сун Хаомин уже давно составил себе полное представление о том, что из себя представляет семейство Е. Раз уж некоторые люди решили отбросить всякий стыд, то и ему не было нужды церемониться с ними.

— Долги нужно возвращать, это закон справедливости. Староста Цянь держит в руках бумаги с четко прописанными условиями, разве ваши подписи и отпечатки пальцев там не стоят? — произнес он с легкой насмешкой, добавив: — И прошу не забывать: ваши руки принадлежат вам, а не мне.

— Отпечатки мы признаем, но мы не признаем то, что ты там написал! — Е-третий вмиг лишился дара речи. В глубине души он понимал, что отпираться бесполезно, но содержание расписок он категорически отказывался принимать.

— Ты, грамотей, решил поиздеваться над нами, не знающими ни одной буквы? Написал там всё, что вздумается! — подхватила Сюй Инди, добавив к словам мужа нотку высокомерия. Вид ее ясно говорил: мы не признаем твои записи, и что ты нам сделаешь?

Е Фаньсин, видя, что староста и уважаемые старейшины рода почти закончили подсчеты, решил больше не тратить время на пустые перепалки с Е-третьим.

— Староста, независимо от того, признает семья Е содержание этих бумаг или нет, прошу вас огласить итог, чтобы я понимал, на чем мы стоим, — сказал он.

Староста Цянь вспомнил, как Син-гэр, передавая ему эти расписки, особо просил вести расчеты отдельно. Видимо, он с самого начала предвидел, что старики из семьи Е попытаются пойти на попятную. Это заставило его еще больше уважать Син-гэра.

Взглянув на итоговые суммы, староста Цянь и грамотные старейшины рода остолбенели. Если бы расчеты не проводились дважды и результат не оставался неизменным, они бы решили, что допустили ошибку!

Пока все ждали развязки, староста Цянь прочистил горло и объявил:

— За три года семья Е заняла у семьи Сун семьдесят шесть лянов серебра. Из них шестьдесят восемь лянов взял Е Вэньцай, а оставшиеся восемь лянов — Е-третий с женой. Что касается зерна, то всего было взято восемнадцать даней: рис, кукуруза, батат и просо. Из них десять даней риса взял Е Вэньцай, а остальные восемь даней приходятся на долю Е-третьего и его жены.

Толпа зевак ахнула, а затем поднялся шум и гам.

— Ну и семейка! Это ж надо, выдать замуж гэра и целенаправленно обчистить семью Сун до нитки!

— Немудрено, что Сун Хаомин бросил учебу и пошел работать счетоводом...

— Глядя на то, как Е-третий трясется над своим драгоценным сыночком, готов поспорить, что из этих шестидесяти восьми лянов старики и медной монеты в глаза не видели.

— Если бы видели, то в доме Е уже давно играли бы свадьбу!

— Это еще почему?

— На днях на рынке я видел его с девицей, только вот девица та...

Е Вэньцай больше не мог сдерживаться. Он вышел вперед, ткнул пальцем в сторону сплетничающих сельчан и рявкнул:

— Вы, люди, вечно верите любым слухам! А ты, закрой рот! Если вы, свора, посмеете еще раз меня оклеветать, клянусь, я затаскаю вас по судам!

— Ну и иди! Не знаю, кто там тебя боится, а я — нет. Стоит господину судье отправить людей на переулок Темный, как всё тайное сразу станет явным.

Тот, кто начал этот разговор, явно не из робкого десятка, и, сказав это, он демонстративно сделал шаг вперед.

Е Фаньсин не знал, что за место такое — переулок Темный, но это ничуть не мешало ему с интересом наблюдать за представлением. Переулок, девица, недосказанные намеки... Ого! Вот это поворот! Ему так и хотелось подойти и спросить: Е Вэньцай, у тебя хоть пушок на лице вырос?

Сначала мошенничество Е-третьего, теперь скандал с Е Вэньцаем — в этот момент присутствующие члены рода Е жалели лишь об одном: что не Е Фаньсин, а именно семейство Е-третьего позорит их всех на глазах у всей деревни!

Сун Хаомин заметил, что Е Фаньсин, стоящий рядом, напоминает любопытного ребенка: его большие глаза сосредоточенно следили за сплетнями, а когда он слышал что-то, с чем был согласен, то согласно кивал, принимая всё за чистую монету. Он, кажется, совсем забыл, что сам является главным героем этих историй. Сун Хаомин чувствовал, что все меньше понимает этого человека, и не знал, правильным ли было решение дать ему шанс.

Видя, что ситуация выходит из-под контроля, и опасаясь, что Е Фаньсин выкинет еще какой-нибудь фортель, Е-третий набрался храбрости и пробормотал:

— Син-гэр, деньги, которые я должен, и плата за разрыв родственных связей — это разные вещи.

— Какие еще вещи? Раз денег нет, я поступлю так же, как вы: напишу вам долговую расписку,
— ответил Е Фаньсин.

Он ловко пододвинул к Сун Хаомину принадлежности для письма и распорядился:

— Пиши двумя частями: одна на восемнадцать лянов, другая на шесть.

Когда люди увидели, что Е Фаньсин действительно это делает, в толпе вновь послышались голоса, причем некоторые из них явно встали на сторону Е-третьего. Но Е Фаньсин не обращал на них внимания, продолжая демонстрировать, как именно он меняет долг на долг.

Семья Е и все присутствующие были ошарашены такой наглостью. В конце концов, Е-третьему не оставалось ничего, кроме как смириться и на глазах у всех подписать расписку на пятьдесят лянов. Эти пятьдесят лянов, начертанные на легком листке бумаги, словно пощечина, ударили его по лицу. Он яростно сверлил взглядом Е Вэньцзя — если бы не надежда на то, что сын будет кормить его в старости, он бы немедленно отрекся от него!

Старейшины рода с досадой смотрели на старые расписки — те самые восемь лянов, которые Е-третий с женой когда-то заняли у семьи Сун и от которых теперь так упорно открещивались. Но как бы они ни пересчитывали, для Е Фаньсина денежный вопрос был закрыт.

Настала очередь зерна. Говоря о нем, Е Фаньсин почувствовал, что что-то упускает. Впрочем, его вины здесь не было: по сюжету книги в этот момент он должен был уже быть продан в далекую горную деревню, а что происходило здесь — в книге не упоминалось. Он понимал, что нельзя загонять семью Е в угол: при скупости Е-третьего тот мог натворить бед, оказавшись в безвыходной ситуации.

Поэтому, в счет восемнадцати даней зерна, он потребовал вернуть по одному даню риса, батата и просо, а остальное — кукурузой.

— Если зерна нет, платите деньгами, но... — Е Фаньсин многозначительно замолчал.

— Будет зерно! — поспешно перебил Е-третий. Он не хотел слышать, что кроется за этим «но», мало ли какие еще ловушки припасены для него. Конечно, он не был дураком: ведь один дань риса можно обменять на два даня кукурузы, так что сделка выходила выгодной.

Раз уж с зерном разобрались, Е Фаньсин решил, что пришло время семье Е попробовать плоды своих деяний. Как говорится, око за око — только так можно получить истинное удовольствие!

<http://bllate.org/book/22475/2366697>